# Проблема разграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и убийства (ст. 105 УК РФ): критерии установления направленности умысла

**Быков Данила Антонович**
магистрант, Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, aa.danil2015@yandex.ru

**Касторская Елена Владимировна**
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, kastorskaya-ev@ranepa.ru

Рассмотрена проблема разграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и убийства (ст. 105 УК РФ) в случаях, когда внешняя картина содеянного совпадает, а спор ведется о содержании вины. Цель исследования состоит в определении критериев установления направленности умысла применительно к каждому из последствий. Использованы формально-юридический и системный методы, сравнительный анализ доктринальных позиций 2022–2026 гг. и качественный анализ трех актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Выявлено, что затруднения связаны с подменой доказывания отношения лица к смерти медицинской характеристикой повреждений, со смешением косвенного умысла и легкомыслия, с выбором ч. 4 ст. 111 УК РФ по остаточному принципу. Обоснована необходимость раздельного установления отношения виновного к тяжкому вреду здоровью и к смерти, предложен порядок мотивировки квалификационного вывода с проверкой заявленной фактической ошибки. Сделан вывод о том, что опасность повреждения для жизни служит доказательством умысла на убийство, но не освобождает суд от установления того, что лицо эту опасность осознавало и сознательно допускало смерть.

**Ключевые слова:** убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, направленность умысла, косвенный умысел, легкомыслие, небрежность, фактическая ошибка, разграничение составов преступлений.

Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разграничивает убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего, по отношению виновного к смерти: при убийстве умысел направлен на лишение жизни, а при преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение к наступлению смерти «выражается в неосторожности» [1]. Какими доказательствами устанавливается такая направленность, разъяснение не указывает, хотя объективная сторона обоих составов нередко совпадает почти полностью. Цена ошибки велика: санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ при том же верхнем пределе в пятнадцать лет лишения свободы содержит нижний предел в шесть лет, отсутствующий в ч. 4 ст. 111 УК РФ [2], а мониторинг дел о семейно-бытовом насилии (69 актов первой инстанции за 2020–2023 гг. и 245 актов за 2020–2024 гг.) фиксирует неодинаковую оценку умысла в сходных ситуациях [3; 4].

Цель статьи состоит в определении критериев установления направленности умысла при разграничении названных составов. Исходная гипотеза заключается в том, что затруднения вызваны не пробелом в законе, а подменой доказывания отношения к смерти медицинской характеристикой повреждения либо общей оценкой жестокости содеянного. Материалом послужили нормы УК РФ и УПК РФ, разъяснения Пленума, три акта Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ 2022–2024 гг. и восемь научных публикаций 2022–2026 гг. Использованы формально-юридический и системный методы, сравнительный анализ доктринальных позиций и качественный анализ судебных актов, который на репрезентативность не претендует.

Согласно ст. 27 УК РФ не охватывавшиеся умыслом тяжкие последствия вменяются лицу, только если оно предвидело их возможность, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело, но должно было и могло предвидеть [2]. Для ч. 4 ст. 111 УК РФ отсюда следует необходимость самостоятельно доказывать умысел именно на тяжкий вред здоровью, причинную связь этого вреда со смертью и неосторожность по отношению к смерти. Самая тонкая граница пролегает между косвенным умыслом и легкомыслием (ч. 3 ст. 25, ч. 2 ст. 26 УК РФ). В обоих случаях лицо предвидит возможность смерти, и различие лежит в волевом моменте: сознательному допущению или безразличию противостоит расчет на конкретные обстоятельства, способные предотвратить смертельный исход. Небрежность предполагает отсутствие предвидения при обязанности и возможности предвидеть смерть (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Из этой конструкции вытекает правило, значение которого в практике недооценивается: недоказанность умысла на убийство признаков ч. 4 ст. 111 УК РФ не доказывает. Без установленного умысла на тяжкий вред норма не применяется и при наступившей смерти, а оценка переходит к ст. 109 УК РФ. Поскольку форма вины входит в предмет доказывания (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), выбор ч. 4 ст. 111 УК РФ по остаточному принципу, без собственной мотивировки ее признаков, представляется методически уязвимым.

С. В. Скляров обращает внимание на обстоятельства, на которые рассчитывал виновный, стремясь предотвратить смерть, и на случаи неопределенного умысла в отношении вреда здоровью [5]. Требование предметно раскрывать расчет заслуживает поддержки, но расчет характеризует лишь легкомыслие, тогда как ст. 27 УК РФ допускает и небрежность. П. С. Яни относит смешение косвенного умысла и неосторожности к типичным ошибкам квалификации и подчеркивает, что при косвенном умысле на лишение жизни содеянное образует убийство [6]. В приводимом им примере апелляционная инстанция учла, что выстрел был произведен не в голову или тело, а в ногу. Думается, сила такого довода зависит не от анатомической зоны как таковой, а от того, избрал ли ее виновный и осознавал ли опасность ранения.

Д. А. Гарбатович связывает с конкретизированным умыслом при убийстве квалификацию по направленности, а с неопределенным по фактически наступившим последствиям [7]. Для разграничения с ч.

4 ст. 111 УК РФ неопределенность должна быть локализована. Если она касается только степени вреда здоровью, а смерть не предвиделась либо лицо рассчитывало ее предотвратить, возможна ч. 4 ст. 111 УК РФ; если смерть предвиделась как один из вероятных результатов и сознательно допускалась, содеянное образует убийство.

Е. В. Хромов приводит судебную позицию о недостаточности одного лишь факта причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, для вывода об умысле на убийство и вместе с тем полагает, что множественные удары в область головы образуют убийство с косвенным умыслом [8]. Такие удары действительно служат весомым доказательством допущения смерти, но вывод о косвенном умысле обоснован при установленном осознании виновным силы и повторяемости воздействия. Иначе объективная опасность деяния превращается в неопровержимую презумпцию.

Д. А. Корецкий и Е. С. Стешич, констатируя практическое слияние составов, связывают с ним необходимость определять убийство через причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть, и критикуют одностороннюю оценку доказательств [9]. Критика односторонности обоснованна, однако отказ от самостоятельного установления отношения к смерти противоречил бы запрету объективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ). По нашему мнению, сближение составов по объективной стороне требует более строгой мотивировки субъективной стороны, а не их слияния.

В. Ф. Щепельков и Е. В. Иванова предлагают уточнить оценку последующего оказания помощи потерпевшему [3], разводя умысел во время нападения и последующее изменение отношения к содеянному. Переносить их выводы с покушения на оконченное деяние следует с учетом того, что покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом (п. 2 постановления Пленума № 1) [1]. А. Г. Иванов ставит вопрос о месте субъективной ошибки в структуре вины [10], и для нашей темы из этого следует требование конкретного предмета заявляемой ошибки.

Пленум предписывает исходить из совокупности обстоятельств содеянного, учитывая способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию повреждений, предшествующее и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [1]. Перечень сам по себе вывода не объясняет. Анализ целесообразно вести от объективного механизма (чем, куда, с какой силой нанесены удары, какова причина смерти) к тому, какие его свойства осознавал виновный, и лишь затем к волевому отношению к смерти. Прямой переход от описания повреждений к выводу о допущении смерти создает риск объективного вменения.

Наличие ножа не отвечает на вопрос о намерении убить: значимы направление удара, выбор области тела, дистанция и положение участников, а отсутствие оружия не исключает умысла на убийство, если опасность создается способом применения силы. Серия прицельных ударов в жизненно важную область и продолжение насилия после утраты потерпевшим способности к сопротивлению дают иную картину, чем случайное попадание в хаотичной борьбе, однако ни единичность, ни множественность повреждений юридического порога не образуют. Мотив ревности или неприязни одинаково объясняет и убийство, и вред здоровью, поэтому доказывания вины не заменяет.

Оказание помощи после насилия может отражать первоначальный расчет на спасение, но и раскаяние или стремление смягчить ответственность; прекращение насилия бывает вызвано отказом от продолжения, достижением результата или внешним препятствием. Сложившегося умысла такие обстоятельства не устраняют, но позволяют проверить его содержание. Легкомыслие подтверждается установлением предмета расчета, времени его возникновения и соответствия ему поведения лица; неопределенная надежда на то, что потерпевший выживет, расчетом не является.

С 1 сентября 2025 г. тяжесть вреда здоровью определяется по Порядку, утвержденному приказом Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172н [11]. Опасность повреждения для жизни в медицинском смысле характеризует объективную тяжесть вреда, но не отвечает на вопрос, осознавал ли обвиняемый смертельную опасность и принимал ли ее; эта оценка остается за судом.

Фактическая ошибка должна иметь конкретный предмет: свойства орудия, тяжесть ожидаемого вреда, состояние потерпевшего, развитие причинной связи. Подтвержденное представление о неспособности воздействия причинить тяжкий вред исключает ч. 4 ст. 111 УК РФ и при наступившей смерти. Если лицо осознавало тяжесть повреждения, но ошибочно считало смерть невозможной, проверяются основания неосторожности; ошибочная же оценка вероятности смерти, которая предвиделась и сознательно допускалась, умысла не устраняет. Неизвестное виновному заболевание потерпевшего не исключает вины, если воздействие и без него создавало осознаваемую угрозу жизни, а при невозможности предвидеть смерть применяется ст. 28 УК РФ. Отклонение причинного процесса, например смерть от удара о твердую поверхность при падении, также не делает результат неосторожным автоматически [8].

Определением от 26 сентября 2024 г. № 2116-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы потерпевшего, полагавшего, что содеянное подлежало квалификации по ст. 105 УК РФ, и указал на системную связь ч. 4 ст. 111 УК РФ со ст. 24–27 УК РФ и разъяснениями Пленума [12]. Правильность установления умысла по делу при этом не проверялась, поскольку оценка фактов в предмет конституционного судопроизводства не входит.

В кассационном определении от 27 ноября 2024 г. № 7-УД24-9-А1 Верховный Суд РФ отклонил довод защиты о переквалификации с п. «д» ч. 2 ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ ввиду отсутствия прямого умысла [13]. Насилие продолжалось с ночи до прибытия полиции днем следующих суток, потерпевшей причинены многочисленные колото-резаные и колотые ранения, после травмы шейного отдела спинного мозга она утратила способность передвигаться, осужденный говорил, что она не уйдет из комнаты живой, и отказал в просьбе вызвать скорую помощь. С позиций изложенного подхода отсутствие прямого умысла значения не имело: ст. 105 УК РФ охватывает и косвенный умысел, а длительное воздействие на обездвиженную потерпевшую исключало расчет на ее выживание.

Определение от 18 августа 2022 г. № 80-УД22-7-К6 иллюстрирует проверку исходной предпосылки ч. 4 ст. 111 УК РФ. Потерпевший, стащенный осужденным из кабины трактора, упал и получил перелом шейного позвонка; Верховный Суд РФ переквалифицировал содеянное с ч. 1 ст. 111 на ч. 1 ст. 118 УК РФ, признав, что последствий падения осужденный не предвидел, хотя должен был и мог предвидеть [14]. Вывода о том, что травма при падении всегда причиняется по неосторожности, из этого акта не следует.

Направленность умысла при разграничении убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, устанавливается через доказанную связь внешних обстоятельств содеянного с представлением лица о причиняемом вреде. Критериями служат осознание характера и силы воздействия, свойств орудия и зоны поражения, предвидение смертельного исхода и волевое отношение к нему, выраженное в поведении до, во время и после насилия. Эти критерии имеют доказательственное, а не презумптивное значение: опасность повреждения для жизни, множественность ударов или их локализация подтверждают умысел на убийство лишь при установлении того, что лицо эти свойства содеянного осознавало. Тяжкий результат не заменяет доказывания вины, а ссылка на нежелание смерти не опровергает косвенного умысла.

В приговоре целесообразно последовательно отражать механизм наступления смерти, объем вреда, охватывавшегося умыслом, отношение к смерти, результаты проверки довода о фактической ошибке и альтернативного объяснения поведения. При выборе ч. 4 ст. 111 УК РФ следует называть вид неосторожности и раскрывать его содержание, при выборе ст. 105 УК РФ объяснять, что свидетельствует именно о желании или сознательном допущении смерти. Предложенный порядок мотивировки нуждается в эмпирической проверке на массиве приговоров с близкими обстоятельствами и различной итоговой квалификацией.

**Литература**

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Щепельков В. Ф., Иванова Е. В. Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о

домашнем насилии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 245–255. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-4-245-255.

4. Иванова Е. В. Проблема определения направленности умысла в субъективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 105, ч. 1 ст. 108, ч. 4 ст. 111 и ст. 119 УК РФ (на основе мониторинга рассмотрения уголовных дел о семейно-бытовом насилии) // Российский следователь. 2026. № 5. С. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-5-49-53.

5. Скляров С. В. Разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Уголовное право. 2022. № 9. DOI: 10.52390/20715870_2022_9_33. EDN: AJNOEQ.

6. Яни П. С. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Законность. 2023. № 2, 3, 4. // СПС «КонсультантПлюс».

7. Гарбатович Д. А. Убийство: конкретизированный, неопределенный, альтернативный виды умысла // Уголовное право. 2024. № 9. URL: https://criminalmag.ru/magazines/9_2024 (дата обращения: 23.09.2026).

8. Хромов Е. В. Влияние характера причинной связи на квалификацию смерти потерпевшего в результате применения насилия // Уголовное право. 2024. № 12. URL: https://criminalmag.ru/magazines/12_2024 (дата обращения: 23.09.2026).

9. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Убийства: баланс правовой защищенности обвиняемого и потерпевшего // Законность. 2024. № 10. С. 29–41.

10. Иванов А. Г. Субъективная ошибка в уголовно-правовой структуре вины: сравнительный анализ законодательства стран Европы и России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 113–118. URL: https://vestnik.unn.ru/ru/nomera?jnum=284 (дата обращения: 23.09.2026).

11. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040 (дата обращения: 23.09.2026).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2116-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Торопова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.11.2024 № 7-УД24-9-А1 // СПС «ГАРАНТ».

14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.08.2022 № 80-УД22-7-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

**The problem of distinguishing intentional infliction of grievous bodily harm resulting in death by negligence (part 4 of article 111 of the Russian criminal code) from murder (article 105 of the Russian criminal code): criteria for establishing the direction of intent**

**Bykov D.A., Kastorskaya E.V.**

North-West Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article examines the distinction between intentional infliction of grievous bodily harm resulting in death by negligence (Part 4 of Article 111 of the Russian Criminal Code) and murder (Article 105) when the external circumstances of the act coincide and the dispute concerns the content of guilt. Formal legal and systemic methods, a comparative analysis of doctrinal positions of 2022–2026 and a qualitative analysis of three decisions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation were used. Difficulties arise when medical characteristics of injuries replace proof of the offender's attitude to death, when indirect intent is confused with recklessness, and when Part 4 of Article 111 is applied residually. The necessity of separately establishing the attitude to grievous harm and to death is substantiated, and a sequence of reasoning for the qualification decision is proposed. The danger of an injury to life is evidence of murderous intent but does not relieve the court of establishing that the person was aware of it and consciously allowed death.

**Keywords:** murder, intentional infliction of grievous bodily harm, direction of intent, indirect intent, recklessness, negligence, mistake of fact, distinction between offences.

**References**

1. On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.1999 No. 1 (as amended on 03.03.2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. No. 3.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Shchepelkov V. F., Ivanova E. V. Distinguishing attempted murder from crimes with related elements in domestic violence cases // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (104). P. 245–255. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-4-245-255.
4. Ivanova E. V. The problem of determining the direction of intent in the subjective element of crimes under Article 105, Part 1 of Article 108, Part 4 of Article 111 and Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation (based on monitoring of domestic violence criminal cases) // Russian Investigator. 2026. No. 5. P. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-5-49-53.
5. Sklyarov S. V. Distinguishing murder from intentional infliction of grievous bodily harm resulting in the victim's death by negligence // Criminal Law. 2022. No. 9. DOI: 10.52390/20715870_2022_9_33. EDN: AJNOEQ.
6. Yani P. S. Problems of qualifying intentional infliction of grievous bodily harm // Legality. 2023. No. 2, 3, 4.
7. Garbatovich D. A. Murder: specified, indefinite and alternative types of intent // Criminal Law. 2024. No. 9. URL: https://criminalmag.ru/magazines/9_2024 (accessed: 23.09.2026).
8. Khromov E. V. The influence of the nature of causation on the qualification of the victim's death as a result of violence // Criminal Law. 2024. No. 12. URL: https://criminalmag.ru/magazines/12_2024 (accessed: 23.09.2026).
9. Koretsky D. A., Steshich E. S. Murders: balancing the legal protection of the accused and the victim // Legality. 2024. No. 10. P. 29–41.
10. Ivanov A. G. Subjective mistake in the criminal law structure of guilt: comparative analysis of the legislation of European countries and Russia // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2022. No. 3. P. 113–118. URL: https://vestnik.unn.ru/ru/nomera?jnum=284 (accessed: 23.09.2026).
11. On approval of the Procedure for determining the severity of harm caused to human health: Order of the Ministry of Health of Russia of 08.04.2025 No. 172n. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040 (accessed: 23.09.2026).
12. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Toropov Vladimir Aleksandrovich on violation of his constitutional rights by Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.09.2024 No. 2116-O // Legal reference system «KonsultantPlyus».
13. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.11.2024 No. 7-UD24-9-A1 // Legal reference system «GARANT».
14. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.08.2022 No. 80-UD22-7-K6 // Legal reference system «KonsultantPlyus».